

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

КИРИЛЛ КОКТЫШ

АННА РЕНАРД–КОКТЫШ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена анализу алгокогнитивной культуры – сетевой реальности, в которую вошло человечество, но которая остаётся осознанной далеко не в полной мере. К началу 2020-х годов исчезло понятие приватности; все перемещения человека, его круг общения, его переписка и покупки автоматически фиксируются и полностью прозрачны для информационных корпораций. Практически непреодолима проблема фейковых новостей: попадание такой новости в информационный каскад становится событием до каких бы то ни было расследований и опровержений. Возникла «культура отмены», в рамках которой априори отсутствуют критерии добра и зла, и из информационного оборота можно вычеркнуть любые массивы знаний, не отвечающих требованиям самопровозглашённой новой этики. Сложившееся положение дел авторы сравнивают с эпохой доминирования софистов в Древней Греции, когда истина определялась в зависимости от конъюнктуры, и находят актуальные аналогии. В этом контексте авторы формулируют понятие «когнитивная уязвимость»: в новой реальности появилась возможность управлять массами людей, задавая не только их покупательское, но и политическое поведение. Авторы определяют сетевую реальность как систему, альтернативную социализации, где задаваемые последней мировоззренческие и ценностные системы координат конкурентоспособнее реальных, а значит, и де-факто вытесняют их. Описанная ситуация формируется за счёт своеобразного расщепления личности, когда эмоциональная реакция де-факто отделяется от рациональной деятельности, ориентированной на реальные цели, и замыкается на виртуальную действительность. На достижение этой цели нацелены алгоритмы, регулирующие выдачи постов в социальных сетях. В обосновании этого тезиса авторы опираются на опыт Фейсбука: используемый этим сервисом алгоритм MSI культивирует споры и расколы между его пользователями по любому поводу. Таким образом, американские информационные корпорации движутся к тому, чтобы обладать суверенитетом над сознанием внешних для США обществ. На этот вызов уже ответил Китай, который с 1 сентября 2021 г. национализировал алгоритмы и передал их под контроль Компартии. Авторы анализируют предпринятые КНР шаги и приходят к заключению, что в случае успеха Пекин преобразуется не только в экономический, но и идеологический полюс, альтернативный Соединённым Штатам, делающий заявку на восстановление биполярной мирополитической системы.

Ключевые слова:

алгокогнитивная культура; когнитивная безопасность; социальные сети; культура отмены; пост-правда; цветные революции.

С белорусскими событиями 2020 г. постсоветское пространство внезапно приоткрыло дверь в новую реальность, которая до сих пор была чем-то внешним и далё-

ким, тем, что может случаться в политических системах либо неустойчивых, как это имело место в ходе «арабской весны», либо с существенными внутренними расколами,

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.10.2021

Дата принятия к публикации: 26.12.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: kirill.koktysh@gmail.com

как в Венесуэле и Гонконге. Вне исследовательского внимания, как правило, оказывался постоянно нарастающий уровень цифровизации попыток «цветных революций»: он фиксировался, но рассматривался как дополнительный фактор, не исполнявший несущей функции. Между тем протесты в Гонконге и в Белоруссии показали, что количество уже перешло в новое, вполне самостоятельное качество, а цифровизация стала новым фактором уязвимости и вполне устойчивых политсистем.

Действительно, новая реальность вызрела исподволь и незаметно, не спеша демонстрировать свою мощь. Увиденное не обрадовало. Выяснилось, что цифровизация едва ли не в первую очередь стала оцифровкой социальных технологий, а те прибавили в свой арсенал точечность и адресность воздействия, в значительной мере избавившись от гуманной составляющей. В новой реальности можно управлять умами, настроениями и идеями статистически значимой части общества, причём в прямом смысле слова, когда команды, подаваемые в пошаговом режиме в смартфоны, в реальном времени исполняются толпой. Такое управление не утрачивает своей эффективности и в том случае, если оно осуществляется извне, будучи вынесенным за границы физической досягаемости власти. Наконец, и «цифровая масса» — совокупность индивидов, управляемых своими смартфонами, — способна продемонстрировать невозможное прежде сочетание качеств стабильного и короткоживущего социальных образований, на протяжении месяцев сохраняя расщеплённость на иррациональную эмоциональность толпы и личинную рассудочность внешнего лидерского центра [Коктыш 2021: 91–110].

У приоткрывшегося будущего два измерения.

Первое, техническое, — это глобальность сетей и устойчиво нарастающая роль смартфона, породившего феномен алгоритмической культуры, когда алгоритмы, облегчая повседневность, тем самым устойчиво берут её под свой мягкий контроль и начинают определять всё большее

количество действий и поступков. При этом адресная коммуникация сохраняется, даже если индивиды объединены в толпу, что и позволяет поддерживать в ней эмоциональную заряженность как ключевое условие пребывания в расщеплённом состоянии, когда функция рациональной рефлексии делегирована внешнему центру. Усилия белорусской власти противостоять такому внешнему воздействию осенью 2020 г. имели ограниченную эффективность: замедление скорости мобильного интернета и даже его полная блокировка на некоторое время затруднили координацию протестов, но не пресекли её. Для восстановления монополии власти над формированием повестки дня этого оказалось недостаточно, и «брожение умов» продолжалось несколько месяцев.

Есть и содержательное измерение, когда большая масса индивидов может поддаваться внешнему воздействию, де-факто принимая навязываемую извне систему мировоззренческих и ценностных координат без сколь-нибудь существенных попыток их критической ревизии: назовём это феноменом когнитивной уязвимости. Например, в Белоруссии свою роль сыграли и канал координации протестов — мессенджер Телеграм, структурированный под императивную коммуникацию сверху вниз с минимумом возможных обсуждений, и выбранный организаторами жанр протестов, превративший их в инструмент одного удара. Он запрограммировал одновременно и взрывной рост численности протестующих на первом этапе, и неизбежную утрату протестами содержательной перспективы впоследствии. Таким жанром стало активное использование элементов гейминга и квеста: значимая часть протестующих обнаружила себя внутри увлекательной игры с её карнавальностью, «невсамделишностью», ощущением всеисилия и безнаказанности и одновременно — утерей смысла. В результате после пары недель стало очевидным, что содержательная эволюция протестов — задача неразрешимая. В дальнейшем протесты развивались в режиме постепенно затухающей бес-

смысленной «игры ради игры». Белорусская власть почувствовала этот момент и, проявив выдержку, дала эмоциям остыть, после чего постепенно восстановила контроль. Выявленные ограничения не отменяют главный вопрос об открывшейся возможности когнитивного воздействия на отдельно взятое общество извне, в том числе путём формирования в нужной точке времени и пространства цифровой толпы.

Стала ли когнитивная уязвимость имманентной характеристикой сегодняшних обществ, и будет ли она нарастать? Насколько алгоритмы программируют наше восприятие реальности, напрямую с ними не связанной – в первую очередь, политической и культурной? Приступая к рассмотрению этих вопросов, остановимся на методологических аспектах нашего исследования.

Логично первым поставить вопрос относительно обоснованности термина «алгокогнитивная культура», уже получившего распространение в англоязычном дискурсе [Lavelock 2019], но для нас звучащего как минимум непривычно. Иными словами, можем ли мы говорить о системном влиянии сетевой реальности на формирование картины мира и ценностей статистически значимой части любого современного общества? Авторы полагают, что ответ должен быть положительным. Успешный опыт практического моделирования когнитивной системы американской администрации Б. Обамы [Сергеев и др. 2011] убедительно показал, что ключевую роль в формировании когнитивной системы индивида играет его социальное окружение, в первую очередь социальная сеть: именно она становится тем референтным источником, с которым индивид соотносит свои представления о мире, ценностях и целях. Объединение наработок ряда западных основоположников когнитивистики, в частности Н. Лейтеса, Р. Абельсона, Р. Аксельрода, К. Джонсона, Г. Бонэма и М. Шапиро [Leites 1951; Абельсон 1987; Axelrod 1976; Jonsson 1982; Bonham, Shapiro 1977], с теорией метафоры Дж. Лакоффа [Лакофф 2004] и применение их к анализу сетевого

субъекта позволили выстроить релевантную модель, обеспечившую хороший аналитический и прогностичный результат. Важным итогом упомянутого выше исследования стало обнаружение интеграторов – совпадающих смыслов и интерпретаций, делающих сеть сетью.

«Объективация» сети, то есть её эмансипация от индивида, превращение во внешнюю по отношению к нему, хоть и виртуальную, сущность, эту данность многократно усиливает. Медиатором в коммуникации индивида и сети становятся алгоритмы, которые, упрощая коммуникацию и делая её комфортнее, одновременно структурируют её, тем самым внося вклад в формирование картины мира, ценностей и целей индивида. Алгоритмы не возникают сами по себе, их создают социальные сети, которые, будучи коммерческим проектом, ориентированы в первую очередь на собственную успешность – что предопределяет набор заложенных в алгоритмы интеграторов. Базовым когнитивным интегратором публично декларируется идея свободы: пользователь сетей в самом деле обретает свободу мгновенной коммуникации с кем угодно вне зависимости от расстояний, времени суток, погоды и массы иных материальных факторов. С другой стороны, для самих социальных сетей эта свобода имеет высочайшую коммерческую эффективность: медиация стала весьма прибыльным бизнесом при бесплатности самих социальных сетей. Это обстоятельство служит эмпирическим основанием предварительного вывода о том, что алгокогнитивная культура стала реализовавшейся сущностью, с наличием которой приходится считаться.

Вызовы алгокогнитивной культуры

Приоритет доходности медиатора объясняет тот факт, что бурная экспансия алгоритмов в социальную сферу сопровождалась постепенным, но неуклонным превращением сетевой реальности в деградирующий аkerлофовский рынок: от «живого журнала» к Фейсбуку, Твиттеру и Тик-Току – с каждой итерацией базовый мес-

седж становится всё более маркетизируемым, а значит, массовым и в силу этого – всё более коротким и менее содержательным. Медаль имеет две стороны: рынок – это дорога с двусторонним движением, провести грань между потаканием вкусам и запросам аудитории и культивированием этих вкусов и запросов практически невозможно. Исследование Кембриджского и Нью-Йоркского университетов убедительно подтвердило, что сети подогревают раскол и усиливают поляризацию общества [Rathje, Bavel, Linden 2021]. В частности, анализ 2,7 млн твитов и сообщений в Фейсбуке показал, что прямые нападки на оппонента из-за его политических взглядов имеют принципиально больше шансов на репост, нежели простое выражение эмоций или морального негодования. С. Карелов в этой связи отмечает, что в новой сетевой реальности, кратно увеличившей своё присутствие в повседневности в связи с пандемией COVID-19, социальный статус обеспечивают не деньги и власть, а количество лайков и подписчиков¹. Завоеванию симпатий последних способствует не взвешенная и сдержанная, а радикальная позиция, вследствие чего обсуждение любой проблемы формирует непримиримые полюсы оппонентов. Понятной иллюстрацией этого процесса может служить описанный Дж. Свифтом раскол по поводу того, с какой стороны разбивать яйцо: в результате возникли радикальные партии «остроконечников» и «тупоконечников», но не сформировалось третьей, умеренной партии, которая, скажем, предлагала бы разбивать яйцо посередине – при том что с точки зрения кулинарной, то есть с позиций реальности, а не отвлечённых дискуссий, третий способ самый востребованный.

Положение тем серьёзнее, что сети решили проблему связи виртуального измере-

ния с реальностью, найдя способ конвертации виртуального капитала в реальный: количество подписчиков легко конвертируется в деньги, во влияние и во власть, этот принцип работает, идёт ли речь о блогере, молодёжном кумире или о политике. Из статуса медиатора те перешли в статус модератора, в силу чего логично предположить возникновение параллельной реальности виртуальной экосистемы, которая может оказывать на последнюю как минимум не меньшее воздействие, нежели реальная жизнь – чему примером может служить недавно запрещённая в России корпорация Meta (бывший Facebook). Если в реальности для обретения социального статуса требуются усилия, знания и умения, то в виртуальной экосистеме нужна исключительно способность регулярно «порождать хайп». Следовательно, виртуальная экосистема обязательно воспринимается её обитателями как идеальный инструмент для того, чтобы, «хакнув» реальность, самым коротким путём и в нарушение стандартных правил повысить свой статус. Виртуальность происходящего, по сути, его игровизация, легко обнуляет свойственный реальности кантовский моральный императив.

Обнаружив этот эффект соцсетей, сетевые корпорации немедленно открыли в нём эффективный инструмент маркетинга и кардинально усилили его. Об этом, в частности, свидетельствует расследование, опубликованное американской газетой *The Wall Street Journal*. Полученные журналистами внутренние документы компании Фейсбук свидетельствовали, что её менеджменту было известно, что приобретённая в 2012 г. платформа Instagram порождает комплекс неполноценности у каждой третьей девочки-подростка², но на дальнейшем формировании контента это обстоятельство не сказалось. Рыночные

¹ Карелов С. О больших переменах в обществах, государствах и личностях. И почему мы должны быть готовы к ещё большим переменам. URL: https://zen.yandex.ru/media/the_world_is_not_easy/obolshih-peremeh-v-obscestvah-gosudarstvah-i-lichnostyah-60d8bde0c9d05740d85f35e0

² The Wall Street Journal. The Facebook files. Facebook Knows Instagram Is Toxic for Teen Girls, Company Documents Show. URL: https://www.wsj.com/articles/facebook-knows-instagram-is-toxic-for-teen-girls-company-documents-show-11631620739?mod=trending_now_news_1

резоны тут очевидны: отягощённая любого рода комплексами аудитория испытывает потребность от них избавиться, а значит, куда более благодарна с точки зрения маркетинговой проработки, нежели не отягощённая, а в Инстаграме только американские подростки проводят на 50% больше времени, чем в Фейсбуке, и посещают его в четыре с половиной раза чаще. В алгоритмы Фейсбука в декабре 2017 г. был внесён ряд изменений, в первую очередь в алгоритм выдачи наиболее посещаемого его продукта – новостной ленты. В основу был положен концепт MSI (meaningful social interactions), в соответствии с которым лайк стал оцениваться в 1 балл, реакция гнева (dislike) – в 5 баллов, а репост – в 15 или 30 баллов, в зависимости от наличия или отсутствия добавленного при репосте значимого комментария³.

Предсказуемым результатом описанной перемены стал рост конфликтности, а вместе с ней – посещаемости и маркетинга: чем шире расходуется пост, тем больше людей вовлекается в спор, который превращается в бурно растущую виртуальную воронку: аргументация в пользу той либо иной позиции выливается в длинные комментарии и отличные от лайка кнопки реакций, а значит, и рост выдачи поста в новостной ленте всё новым и новым людям. Фейковые новости, подстрекательские посты и прямые атаки на конкурентов стали более эффективным инструментом продвижения интересов любого субъекта, включая и политические партии, нежели положительные и политические посты⁴. В контексте примата маркетинга неудивительно, что соцсеть Фейсбук с ведома его администрации самым широким образом использовала теневые и криминальные структуры для заведомо преступного биз-

неса в третьих странах, от торговли людьми до наркоторговли⁵.

Что примечательно: социальные сети выявили – или создали – ещё один феномен виртуальности – возможность расщепления эмоционального от рационального. На этом этапе модератор обнаружил у себя способности творца альтернативной реальности. Дело в том, что в сетевом измерении эмоции в полной мере сохраняют свою силу и значимость, невзирая на тот факт, что их переживание привязано к фиктивной реальности с альтернативной логикой раздражителей, стимулов и поощрений, то есть с альтернативными ценностной и мировоззренческой системами координат. Эта альтернатива оказывается привлекательнее и конкурентоспособнее действительности, поскольку сетевая реальность, *во-первых*, может обеспечить минимальный уровень фрустрации и страдания (если вслед за нищезанской трактовкой Упанишад мы будем понимать под последним временной промежуток между появлением желания и его удовлетворением), а *во-вторых*, программно допустимую возможность позитивного результата и связанного с ним эмоционального вознаграждения в десяти случаях из десяти, чего в реальной жизни не происходит. Иными словами, в альтернативной экосистеме любой участник получает гарантированно более наполненную и яркую эмоциональную жизнь, нежели в настоящем мире; это значит, что более конкурентными и убедительными будут становиться и поддерживаемые виртуальностью ценности, и мировоззренческая система координат. Эта расщеплённость, или параллельное существование в двух измерениях, неизбежно ведёт к их сравнению и к нарастающей фрустрации, а следовательно, к появлению потребности от неё

³ The Wall Street Journal. The Facebook files. Facebook Tried to Make Its Platform a Healthier Place. It Got Angrier Instead. URL: https://www.wsj.com/articles/facebook-algorithm-change-zuckerberg-11631654215?mod=series_facebookfiles

⁴ Ibid.

⁵ The Wall Street Journal. The Facebook files. Facebook Employees Flag Drug Cartels and Human Traffickers. The Company's Response Is Weak, Documents Show. URL: https://www.wsj.com/articles/facebook-drug-cartels-human-traffickers-response-is-weak-documents-11631812953?mod=series_facebookfiles

избавиться, что, в общем-то, несложно: алгоритмы, создавая комплексы и потребности, тут же предлагают лёгкий способ их снятия на основе новой итерации того же когнитивного интегратора освобождения — либо копированием приносящих успех в сети действий, либо приобретением тех символов, которые являются атрибутами сетевого статуса, либо и тем и другим вместе. Разумеется, эти практики, а вместе с ними и установки будут автоматически переноситься и в настоящую реальность. Таким образом, мы можем констатировать появление альтернативной системы социализации, более мощной, нежели традиционная, и подконтрольной алгоритмам, то есть сетевым корпорациям, но не государствам.

Действие алгоритмов можно сравнить с эффектом наркотиков, освобождающих эмоциональное удовлетворение от связи с рациональной деятельностью, превращая его в самоценный и самодостаточный акт, достижению которого постепенно начинает подчиняться вся жизнь наркозависимого. В этом контексте эксцессы в виде стрельбы в учебных заведениях, ранее свойственные исключительно США как лидеру цифровизации, но теперь выплывшие за их пределы, логично объяснить как месть реальности за то, что её система статусного распределения разительно не соответствует виртуальной, и обретенные в виртуальности заслуги не конвертируются в статус реальный. Едва ли не большей проблемой становится ситуация, когда они конвертируются и на роль кумиров молодёжи серьёзные корпорации продвигают такие фигуры, как Дания Милохин или Моргенштерн. С точки зрения бизнеса это логично: превращение в кумира человека без образования и прочих достоинств стимулирует желание повторить их успех, для чего, по идее, достаточно взять потребительский кредит для стартовой раскрутки. С точки зрения ущерба для

социального капитала урон от появления такого рода кумиров трудно посчитать.

Как мы видим, стимулируемое алгоритмами обретение свободы от порождённых ими же комплексов через потребление качественно меняет понятие рационального и разумного. М. Хоркхаймер в этой связи указывал, что рационализм возможен исключительно как оценка альтернатив достижения цели: «по своей сущности он связан с вопросом о целях и средствах, об адекватности операций для достижения целей, причём последние принимаются как само собой разумеющиеся и сами за себя говорящие. Вопросу же о разумности целей как таковых он не придаёт большого значения» [Хоркхаймер 2011: 8–9]. ИмPLICИТНАЯ целеустановка на потребление логичным образом ведёт к качественной переоценке культуры, выполняющей функцию ценностной системы координат, в соответствии с которой ранжирован внешний для индивида мир. Как мы уже отмечали, осуществляемая алгоритмами подмена акта постижения актом обладания в новом, виртуальном (а потому иллюзорном вдвойне) измерении ведёт к следующей итерации упрощения ценностного восприятия реальности, упрощая и уплощая её, нивелируя даже символы до более простых и доступных. Прямым следствием этого процесса становится не только массовое понижение человеческого качества⁶, но и атомизация обществ: потребление индивидуально, а значит, каждый решает эту задачу самостоятельно. В этом контексте уместно вновь процитировать Хоркхаймера: «интеллектуальный империализм абстрактного принципа эгоизма, составляющего ядро официальной либералистской идеологии, указывал на усиливающийся раскол между этой идеологией и социальными условиями внутри индустриальных государств. А после того, как этот раскол внедрился в обыденное сознание, не остаётся никакого рационального принципа,

⁶ Под понижением человеческого качества следует понимать деградацию когнитивных способностей и размывание системы этических координат, деградацию культуры, поскольку последняя существует только в сознании их носителей.

сплачивающего общество... Место истины теперь занимает вероятность или, точнее, возможность расчёта. Сама же истина постепенно превращается в пустую фразу» [Хоркхаймер 2011: 26–27, 54].

Надо признать, что алгоритмы качественно углубили эту проблему: речь идёт уже не об атомизации, а о расщеплении атомов, то есть человеческой личности, которая превращается во фрустрированную реальностью потребительскую единицу. Возможности, открываемые индивидуализированной коммуникацией с предоставлением дозированного персонального виртуального вознаграждения, можно сравнить разве что с практикой продажи индульгенций католической церковью накануне появления протестантизма: нивелируя процедуру отпущения грехов до доступного акта приобретения символа, в экономическом смысле те представляли собой товар с близкой к нулевой стоимостью мультипликации, которого будет ровно столько, сколько потребителей, при полной физической невозможности потребителя предъявить продавцу рекламацию [Коктыш 2016а]. В этом случае делом времени был вопрос, насколько быстро алгоритмы попробуют взять под прямой контроль расщепляемую ими личность человека: устойчивость любого рынка зависит от управления лояльностью покупателя. Если алгоритм преодоления фрустрации путём приобретения символов успеха и статуса маркетизируется достаточно легко, то с маркетизацией второго ведущего к виртуальному успеху алгоритма, а именно – подражания кумирам, до определённого момента не просматривалось внятного решения. Тем не менее нашёлся выход и тут.

Вопрос о том, готова ли фрустрированная реальностью личность делегировать свой суверенитет алгоритмам и в них искать своё дальнейшее «освобождение», получил экспериментально подтверждённый позитивный ответ. С. Карелов сообщил о сенсационных результатах пятилетнего эксперимента PEACH (PErsonality coACH)

университетов Цюриха, Санкт-Галлена, Брандейса, Иллинойса и Высшей технической школы Цюриха⁷. Доказана возможность в массовом порядке преднамеренно и быстро изменять личностные характеристики индивидов, вплоть до реализации самых смелых эвгенических фантазий о выведении новых пород людей. Эксперимент состоял в разработке мобильного приложения для смартфона, в которое входят: 1) бот, имитирующий разговор с коучем в чате, 2) цифровой дневник движения к индивидуальным целям для саморефлексии и мониторинга прогресса, 3) система контролирующих и направляющих напоминаний. Программа адаптировалась под разные психологические типы. В итоге за три месяца личностные черты испытуемых изменялись до неузнаваемости, что подтверждалось не только самооценкой добровольцев (их было 1523), но и внешней оценкой их родственников, друзей и партнёров [Stieger, Flückiger, Rügger et al. 2021].

Таким образом, ящик Пандоры открыт: когнитивная уязвимость стала реальностью. Появление приложений для смартфона, способствующих выработке «лидерских качеств» и «личностному росту», и автоматизирующих многочисленные психологические тренинги, становится вопросом времени. Возможность прямого перепрограммирования значимых сегментов внешних обществ представляет непреодолимый соблазн для корпораций, которые смогут перевести задачу завоевания потребительской лояльности на новый уровень эффективности при кардинальном снижении рекламных затрат. В не меньшей степени открывшиеся перспективы соблазнительны и для крупных геополитических игроков: возможность контроля собственного избирателя и целенаправленного воздействия на чужого переводит глобальную политику в качественно новое измерение. По сути, речь идёт о создании алгоритма для совершения когнитивных диверсий в любой точке земного шара.

⁷ Карелов С. Малоизвестное интересное. URL: <https://t.me/theworldisnoteasy>

На первом этапе уязвимой для новых алгоритмов будет ограниченная часть общества – наиболее неудовлетворённые, те, кто ощущают себя фрустрированными и обделёнными реальностью. Поскольку такие люди формируют наиболее активную и мобилизуемую часть социума, значение угрозы внешнего манипулирования не стоит преуменьшать. Белорусские протесты, упомянутые в начале статьи, оказались столь затяжными именно в силу наличия относительно малочисленного ядра, которое управлялось главным образом одним Телеграм-каналом. Между тем теоретически новые алгоритмы могут кратно усилить любую протестную активность по той причине, что эмоциональное остывание протестующей толпы можно будет блокировать «программной прошивкой».

Алгокогнитивный софизм

Упомянутый выше британский футуролог и визионер Дж. Лавлок продвигает в отношении наступающей эпохи термин «новоцен», предполагая, что её главной движущей силой будет «технологическое освоение паттерна организации материи и энергии, называемое нами информацией» [Lavelock 2019]. Новая эпоха принципиально отличается от многого привычного. С. Карелов в этом контексте говорит о «тройном переломе культуры», то есть о появлении «культуры надзора», «культуры постправды» и «культуры отмены»⁸. Среди прочего, в новой реальности исчезает понятие приватности, человек становится транспарентным куда в большей степени, нежели, скорее всего, отдаёт себе в этом отчёт: благодаря смартфону теперь нет проблемы отследить его перемещения, все виды общения, включая переписку и интимные связи, установить круг знакомых, а исходя из этого определить миро-

воззрение, на основании информации электронной торговли выявить спектр предпочтений и интересы⁹.

Культура постправды стирает границы между истиной и ложью вследствие очевидной трудности проверить фейки. Критерии истинности размываются, абсолютное большинство пользователей воспринимает информационный поток поверхностно, выхватывая из общего шума лишь знаковые символы, которые становятся таковыми в первую очередь в силу количества повторений. Культура отмены, или новая этика, вытекающая из культуры постправды, позволяет подвергнуть остракизму тех, кто, «по мнению активистов этой культуры, преступили черту, очерченную самими же активистами; такой “выход за флажки” трактуется как нарушение моральных и этических норм общества или негласных догм науки»¹⁰. Наиболее известными примерами влияния культуры отмены выступили Харви Вайнштейн, Роман Полански и Кевин Спейси, а в университетской среде США она стала массовым явлением. Остракизм нового времени в мягкой форме выражается в информационной изоляции избранной публичной фигуры, а в радикальной – оборачивается её вычёркиванием из цифровой медиасреды, как это произошло, к примеру, с аккаунтами президента Д. Трампа.

Предсказуемой жертвой новой этики стала наука: вымарываются и объявляются ненаучными те исследования, которые ставят под сомнение провозглашённые ценности мейнстрима. Например, известный биолог-эволюционист Джерри Койн¹¹ пишет о вопиющем случае, когда сайт журнала *Science-Based Medicine* удалил рецензию известного врача и одного из пяти редакторов журнала Харриет Холл на книгу Эбигейл Шрайер «Необратимый ущерб:

⁸ Карелов С. Тройной перелом культуры. Кейс 4400%-ого роста числа девочек, стремящихся стать мужчинами. URL: <https://sergey-57776.medium.com>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Coyne J. Ex-editor of Science-Based Medicine chews the site's tuchas for its treatment of Abigail Shrier's book. URL: <https://whyevolutionistrue.com/2021/09/26/ex-editor-of-science-based-medicine-chews-the-sites-tuchas-for-its-treatment-of-abigail-shriers-book/>

безумие трансгендеров соблазняет наших дочерей» [Shrier 2021] о феноменальном росте в Великобритании за десять лет, с 2008 по 2018 год, на 4400% количества девочек, пожелавших сменить пол. Рецензия была сочтена слишком комплиментарной, и была заменена тремя негативными отзывами, написанными «адвокатами гендерного утверждения»¹², где автора обвинили в трансфобии и в недостаточной обоснованности её труда.

Если транспарентность повседневной жизни человека выступает имманентной характеристикой новой эпохи и с этой реальностью предстоит жить, то культуры «постправды» и «отмены» в самом факте своего существования зависят от того, кем создаются алгоритмы и какие цели они призваны достигать. В западной цифровой культуре наблюдается возврат под новым названием хорошо знакомой архаики. В постулате об относительности добра и зла, координаты которых определяются потоками информации и возможностью их произвольно менять, можно распознать сформулированный Протагором основополагающий для софизма принцип о человеке как мере всех вещей. Платон устами Протагора описал, говоря в современных терминах, и базовые принципы управления информацией, сводящиеся к простой и безобидной на первый взгляд подмене имён. Например, Протагор в одноимённом диалоге порождает следующую логическую конструкцию: «...так как дело сводится к двум вещам, то и будем обозначать их двумя названиями – “благом” и “злом”. ... Человек, зная, что зло есть зло, всё-таки его совершает... А если кто нас спросит: “Почему же?” – мы ответим: “Потому что он побеждён”. – “Чем?” – спросят нас. А нам уже нельзя сказать, что удовольствием, потому что вместо удовольствия мы приняли другое название – “благо”» [Платон 1990: 468].

Насколько справедлива наша аналогия? Неужели социумы, поражённые алгорит-

мами [Wagner, Strohmaier, Olteanu et al. 2021], близки по своему качеству к обществу Древних Афин? Действительно, в эпохе расцвета софизма мы находим почти все признаки «культуры постправды», когда истина тонет под нагромождением субъективных – и отнюдь не бескорыстных – интерпретаций, где ключевым когнитивным интегратором оказывается освобождение индивида от сковывавших его норм и правил. У А.Ф. Лосева в этой связи говорится: «...субъективизм софистов, говоря вообще, не может быть оспариваем: что кажется одному, то и существует, а что кажется другому, то для него тоже существует... Горгий вообще брался любую вещь и восхвалять, и ниспровергать независимо от её объективных свойств; и на этом основании он считал, что “искусство убеждать много выше всех искусств, так как оно делает всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению, так что оратор может говорить обо всех вещах самым лучшим образом”» [Лосев 2000: 18–19]. Собственно, методологическая основа софизма – то самое расщепление слова и сущности, означаемого и означаемого, слова и вещи, о котором писал М. Фуко: означаемое обретает самостоятельное существование и начинает переопределять означаемое [Фуко 1994: 79]. Причём переопределять весьма произвольно, опровергая всё и вся и не оставляя от означаемого камня на камне, на основе осознанных логических подмен, классифицированных Аристотелем как «паралогизмы, а не опровержения», посвятившим разбору логики софистов 34 главы своего сочинения [Аристотель 1978a: 535].

Собственно, алгокогнитивная культура позволяет творить куда более яркую реальность, нежели вербальный театр софистов, к слову, прекрасно понимавших, что их искусство – это искусство обмана. В этой связи уместно привести ещё несколько красноречивых цитат Горгия: «...в трагедии и в живописи превосходит всех тот, кто

¹² Coyne J. Ex-editor of Science-Based Medicine chews the site's tuchas for its treatment of Abigail Shrier's book. URL: <https://whyevolutionistrue.com/2021/09/26/ex-editor-of-science-based-medicine-chews-the-sites-tuchas-for-its-treatment-of-abigail-shriers-book/>

лучше всех обманывает, создавая подобие истины. Искусство актёра обманывает зрителей, хотя они и знают, что это – обман; актёры одно говорят, другое думают; они входят на сцену и уходят со сцены теми же самыми и в то же время разными» [Лосев 2000: 44]. Велико влияние слова, но неизмеримо глубже влияние сетевой информационной культуры, воздействующей на большинство органов чувств, пробуждающих эмоции, – это и текст, и аудиовизуальная информация, и возможность мгновенной обратной связи с собеседником. Управление эмоциями становится на поток, превращается в критичный фактор социализации, о чём, собственно, предупреждал Маршалл Маклюэн: «...наши человеческие чувства, расширениями которых являются все без исключения средства коммуникации, являются фиксированными налогами на наши личностные энергии и конфигурируют сознание и опыт каждого из нас» [Маклюэн 2003: 26]. Сетевая коммуникация в классификации Маклюэна относится к «горячим средствам», то есть к тем, которые воздействуют в первую очередь на эмоции, «расширяя одно-единственное чувство до степени “высокой определённости»» [Маклюэн 2003: 27]. Тем самым затрудняется когнитивная переработка входящей информации – интенсивность, или высокая определённость, порождает как в жизни, так и в сфере развлечений специализм и фрагментацию, в то время как для “усвоения” и ассимиляции интенсивного переживания, оно должно “остыть”, стать “забытым”, “подвергнуться цензуре” и редуцироваться до весьма холодного состояния» [Маклюэн 2003: 29]. Когнитивная пауза в случае алкокогнитивной культуры не возникает вообще.

По Маклюэну, отсутствие перехода в «холодное» состояние рефлексии и осознания порождает «наркозис, или оцепенение»: критическая переработка потока информации становится невозможной в силу постоянной его интенсивности. Маклюэн иллюстрирует этот тезис известным мифом о юном Нарциссе, принявшем своё отражение за другого человека: «Это расшире-

ние его вовне, свершившееся с помощью зеркала, вызвало окаменение его восприятия, так что он стал, в конце концов, сервомеханизмом своего расширенного, или повторённого образа. Нимфа Эхо попыталась завоевать его любовь воспроизведением фрагментов его речи, но безуспешно. Он был глух и нем. Он приспособился к собственному расширению самого себя и превратился в закрытую систему ... Основная идея этого мифа в том, что люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих» [Маклюэн 2003: 50]. Любое средство коммуникации, «будучи расширением и ускорителем чувственной жизни, воздействует одновременно на всю область чувств [в силу чего] уже само созерцание идолов, или использование технологий, делает людей похожими на них ... Именно это непрерывное принятие внутрь себя нашей собственной технологии в ходе повседневного её использования помещает нас в роль Нарцисса, состоящую в подсознательном восприятии этих образов нас самих и оцепенении перед ними. Непрерывно заключая технологии в свои объятия, мы привязываем себя к ним как сервомеханизмы. Именно поэтому мы, чтобы вообще пользоваться этими объектами, должны служить им – этим расширениям нас самих – как богам или в некотором роде святыням» [Маклюэн 2003: 55–56].

Что существенно: при всей любви к своему искусству, «необычайной жажде испытывать и переживать всё новые и новые ощущения, исследовать жизнь во всей пестроте составляющих её явлений упиваться настоящим, зарываться в прошлое и с необычайной остротой ощущений стремиться к будущему» [Лосев 2000: 26], софисты преследовали вполне прагматичные цели. Становление афинского купеческого сословия в ходе бурного роста заморской торговли порождало запрос на его самосознание, а значит, и на интеллектуальную школу, определяющую и обеспечивающую его растущие амбиции. Софистика и взяла на себя роль такой школы, главным функционалом которой стала переоценка

ценностей: на место «опровергаемых» ценностей общества, сохранявшихся с прежней земледельческой эпохи, утверждались ценности индивида, легко находящего лазейки для обоснования приоритета собственных интересов. В овладении главным искусством софистов — спором, за что главным образом и платили им ученики, трудно не увидеть усвоение навыков торга и способности в любой ситуации выше всего ставить свою прибыль, что при фактическом исключении из аргументации критерия совести на самом деле становится возможным всегда и везде. Аристотель, иронизируя над прокладывавшим себе дорогу этическим релятивизмом софистов, приводил в пример их красноречивый тезис, размывающий рамки хорошего и плохого: «... хорошо ли изучение того, что знать хорошо? [Да]. Но знание плохого хорошо; стало быть, плохое есть хороший предмет изучения. Однако плохое есть и плохое, и предмет изучения, так что плохое есть плохой предмет изучения, (но знание плохого хорошо)» [Аристотель 1978а: 573].

Наряду с обучением купцов софисты самим фактом своей популярности трансформировали внутренний рынок; «раскрепощение жизненных инстинктов, оправдание всего человеческого, от величайших его форм и до мельчайших, часто просто даже бытовых и обывательских слабостей человека» [Лосев 2000: 55], по сути, создавало потребителя, ценящего свои слабости и готового платить за потакание им и их удовлетворение. Естественно, что препятствием росту индивидуального потребления в какой-то момент неизбежно становились социальные структуры и порядок, этого индивида и породившие; отрицание, изначально не категорическое, направлено на власть и базовые ценности, от которых и освобождается индивид. «По Антифону, природа — это свобода, а закон — насилие; а по Калликлу, свободная природа, состоящая в полной разнузданности страстей, находит в законе только своего противоестественного тирана и законами люди защищаются от людей более сильных. Для Фрасимаха справедливость тоже есть нечто

выгодное для сильнейшего. Гиппий у Платона прямо говорит, что закон, будучи тираном людей, часто «оказывает насилие против природы» ... Антифону принадлежит обстоятельнейшее из всех софистов рассуждение об антагонизме естественно действующей природы и насильственно, противоестественно действующего закона. Критий усиливал этот антагонизм до теории происхождения религии в результате необходимости запугивать безнравственных людей, и, вероятнее всего, он был самым настоящим безбожником, о чём сохранились довольно обстоятельные сведения» [Лосев 2000: 24, 18–19].

Онтологический тупик софизма наметился довольно быстро: при постановке индивида в центр мировоззренческой системы невозможны никакие обобщения, относительным становится абсолютно всё. Софисты это признавали. В частности, тезис Протагора о природе материи по сути есть декларация агностицизма. «Материя текуча, и при течении её непрерывно происходят прибавления взамен убавления её, и ощущения перестраиваются и изменяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий ... Причины всего того, что является, лежат в материи, так что материя, поскольку всё зависит от неё самой, может быть всем, что только является всем [нам]. Люди же в различное время воспринимают по-разному в зависимости от различий своих состояний. А именно, тот, кто живёт по природе, воспринимает то из заключающегося в материи, что может являться живущим по природе, живущий же противоестественно то, что [может являться] живущим противоестественно» [Лосев 2000: 19].

Исходя из вышесказанного неудивительно, что софисты «размыли» натурфилософию, доведя её до абсурда, но не создав взамен ничего своего: «... ведь если всё есть только одна сплошная текучесть, то, ввиду абсолютной новизны каждого наступающего момента, нельзя произвести ровно никакого обобщения в этом становящемся бытии, откуда сам собой вытекал релятивизм и даже нигилизм» [Лосев 2000:

21–22]. Ещё быстрее размывалась мифология: единственной последовательной позицией стала «проповедь произвольных и любых мифологических конструкций, софисты сколько угодно могли отрицать мифологию, критиковать её, смеяться над ней и отрицать её объективную реальность» [Лосев 2000: 52].

В этом контексте логичен и финальный пессимизм софистов: мир чувственных переживаний, возведённых в ранг абсолютной ценности, замыкается в себе, теряет смысл собственного существования, после чего (и в силу чего) обесценивается и сам. Если в начале своего пути Антифонт декларировал, что «настоящее добро для человека – это его победа над самим собой», то к концу он впал в пессимизм: «Жизнь похожа, так сказать, на однодневное заточение в темнице, и продолжительность жизни подобна [одному] дню. Лишь только мы вновь увидим свет дня, мы передаём его следующим поколениям ... Всякая жизнь, даже самая завидная, по мнению людей, заслуживает обвинения в том, что в ней нет ничего особенно значительного, ничего великого и высокого, но всё ничтожно, слабо, кратковременно и сопряжено с большими страданиями ... Жизнь нельзя переставить, как ход в шашечной игре» [Лосев 2000: 25]. Лосев оценивал софизм как расцвет декаданса, понимая под последним стремление всё и вся «перевести обязательно на язык чувственных ощущений» [Лосев 2000: 27]. Хотя софисты пользовались существенной поддержкой элит и опирались на устойчивый рыночный спрос, борьба против них Сократа, Платона и Аристотеля относительно легко увенчалась успехом: ведь софисты довольно быстро исчерпали себя. Вместе с тем предварительно они подвергли эрозии все без исключения сферы жизни афинского общества и поставили всё под сомнение, не породив взамен ничего, кроме гимна чувственному освобождению от всего и вся. В последнем видятся и сегодняшние тренды. Например, рассуждая о красоте, Критий утверждал, что «прекраснейшая форма у мужских существ – женственная, у женских же, на-

оборот, мужественная» [Лосев 2000: 30]. Афинское общество не могло не обнаружить нарастание угрожавшего ему эффекта десоциализации, в силу чего борьба с софистами трёх поколений великих философов, на месте софистического хаоса соорудивших стройную систему «систематически обработанных общих суждений» [Лосев 2000: 35], где существование единичного выводится из родовых понятий, породило значимых союзников. В итоге финальный приговор Аристотеля софистам – «а так как некоторые заботятся больше о том, чтобы слыть мудрыми, чем быть мудрыми и не слыть ими (ведь софистика – это мнимая мудрость, а не действительная, и софист – это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости), то ясно, что для них важно скорее казаться исполняющими дело мудрого, чем действительно исполнить его, но при этом не казаться исполняющими его» [Аристотель 1978а: 53] был воспринят афинским обществом с облегчением.

Интересно, что в ту же эпоху в правоприменительной практике остракизма мы обнаруживаем и второе порождение алгокогнитивной культуры – культуру отмены, или новую этику. В цифровой форме остракизм точно так же затрагивает людей наиболее известных и влиятельных, стоящих на пути переменчивого идеологического мейнстрима, и оказывается ничуть не менее смертоносным для репутации осуждённого, нежели в старые времена. Примечательно, что сама практика остракизма была возможной в силу сосуществования в рамках афинской демократии двух культов, хтонического и олимпийского: оформленные в пантеоны, оба они управлялись множеством богов с перекрещивающейся юрисдикцией [Сергеев 2013: 84–92]. Первый, хтонический, предназначался для простонародья, и движущей его силой был гнев богов стихий: поддержанию ритуальной чистоты во избежание их гнева была подчинена повседневность. Второй, возникший вместе с расцветом купеческого сословия, обеспечивал юрисдикцию олигархическим торговым элитам и управлял-

ся милостью новых олимпийских богов [Harrison 1913: 37–43]. Нормативный свод первого был застывшим, ригидным, тогда как второй бурно эволюционировал, постоянно переоценивая ценности в соответствии с конъюнктурой, что, собственно, изначально и создало нишу для софистов, профессионально специализировавшихся на переопределении координат добра и зла. Однако приговор к остракизму у древних греков был возможен только в рамках норм хтонического пантеона: олимпийский предполагал минимум порицаемых прегрешений. Поскольку жертвами его становились как раз представители элит, и зачастую интеллектуальных, мы можем предположить, что речь шла в первую очередь о сведениях счётов: не вписавшегося в мейнстрим и тем более — противостоявшего ему элиты сбрасывали на суд толпы.

В рамках сегодняшней алгокогнитивной культуры мейнстрим формируют американские глобальные информационные корпорации: именно они выступают заказчиком, в их интересах создаются, развиваются и совершенствуются алгоритмы. Если интеграция алгоритмов в повседневную жизнь индивиду увеличивает степень свободы — правда, не свободы вообще, а главным образом свободы покупательского выбора, — то у корпораций происходит увеличение продаж и закрепление лояльности потребительской аудитории. Как известно, увеличение продаж товара в условиях избыточного предложения возможно двумя способами. Первый расширяет рынок, распространяя метафору товарности на те сферы, которые товаром до этого не являлись, то есть их маркетизация. Второй позволяет делать любой рынок массовым, добавляя к товару социальную составляющую, когда человек, приобретая его, получает нечто большее — символ статуса, принадлежности к престижной страте, подра-

жание которой в его кругу нормативно. В обоих случаях, впрочем, на пути мейнстрима оказываются социальные структуры и нормы, то есть власть и доминирующие ценности, которые стали препятствием и для экспансии софистов.

Это препятствие вполне существенно. Оба способа расширения рынка размывают основы бытия, поскольку включение новой «нетоварной» ценности в товарный оборот с большой вероятностью ведёт к акерлофовой трансформации вновь появившегося рынка в деградирующий [Акерлоф 1994: 95–104]. Например, экспансия метафоры товарности на социальные блага, как правило, не ведёт к повышению их качества, поскольку создаёт конфликт профессиональных мотиваций. К примеру, врач, оказывающий услугу, становится одновременно заинтересован и в выздоровлении пациента, и в превращении его в постоянного клиента, что на практике зачастую выливается в операциональный компромисс с попутной постановкой спекулятивных диагнозов [Сергеев 2009] и навязыванием дополнительных, в лучшем случае бесполезных, услуг [Талев 2014: 82]. Аналогичный конфликт возникает и в сфере образования — эффект постоянного клиента тут возможен при обучении быстро устаревающим «коротким» знаниям вместо фундаментальных, что создаёт пространство для западной концепции *lifelong learning*. Возникающие перекосы в обеих этих сферах могут быть уравновешены только регулирующей ролью государства, в итоге вынужденного взять на себя издержки установления и поддержания стандартов. Придание товару дополнительных символических характеристик может вести к деградации уже символического капитала: непростой процесс постижения чего-то сложного подменяется простым актом посещения, созерцания или приобретения¹³,

¹³ Анекдотичной иллюстрацией этому может послужить эпизод из личного опыта одного из авторов, когда после настоятельных просьб преуспевающего американского коллеги ему достали билеты на балет в Большой театр. С удовольствием выпив шампанского в буфете, во время спектакля тот мирно уснул и продремал его большую часть. На выраженное им недоумение автор получил исчерпывающий ответ: «мы живём в небольшом городе, но Большой у нас знают все. Поэтому, когда я скажу, что был в Большом, этого будет абсолютно достаточно».

что неизбежно ведёт к его выхолащиванию и упрощению как минимум в сознании воспринимающего. Возникает рынок подделки, который – в силу куда большей доступности – становится куда доходнее и успешнее, нежели рынок оригиналов.

В этом плане понятен бескомпромиссный напор культуры отмены: снос прежних символов, зачастую физический, открывает новые, прежде немислимые высокодоходные рынки, ожидаемая норма прибыли которых и создаёт разницу давлений между «рыночной стихией» и подлежащими маркетизации сегментами социальной реальности. Впрочем, новые рынки тут же начинают деградировать, запуская описанный Н. Талебом процесс «приватизации прибыли и национализации убытков» [Taleb 2007]. При этом текущая система координат, созданная культурой постправды, позволяет поставить под удар практически любое обнаруживаемое на пути препятствие. Если досократовская реальность исходила из множества существовавших онтологий, равных количеству признаваемых богов, с вытекающей отсюда возможностью ценностного плюрализма, то алгокогнитивная культура может творить кумиров сама, вместе с утверждаемыми ими онтологиями и ценностями. Для этого вполне достаточно алгоритмов – сетевое поведение *algorithmically infused societies* [Wagner, Strohmaier et. 2021] обществ, поражённых алгоритмами, часто сравнивают с муравейником, где роль сахара, который задаёт маршруты прокладывания муравьиных троп, играет количество лайков и репостов.

Главной жертвой обоих подходов, как и у софистов, становятся сферы культуры и науки: активное вмешательство государства посредством установления в этих сферах стандартов всегда проблематично, сопряжено с издержками, которые правительство предпочитает на себя не брать. Из области внимания при этом обычно ускользает тот факт, о котором предупреждал ещё Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет 2002]: именно культура и искусство – будь то элитная или массовая –

вырабатывают актуальные для общества жизненные смыслы, порождая привлекательные для подражания образцы. Как результат их поражения алгоритмами, растёт массовая когнитивная слепота [Ward 2021]: знание подменяется информированностью, а «собственными знаниями» люди всё чаще полагаются на информацию, получаемую из Интернета – при том что выдача последней может поменяться практически мгновенно, как в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». При этом пропорционально растёт уверенность масс если не в своих знаниях, то в своей осведомлённости, порождая тем самым «ложные зоны компетентности», известные как метакогнитивное искажение Даннинга–Крюгера [Kruger, Dunning 1999], когда уже массовый человек воспринимает сложную реальность как простую и понятную. Собственно, в этом контексте культура отмены – не что иное, как следующая итерация опрощения, где после культуры его объектом стала политика: уже не элиты, а человек массы с лёгкостью демонстрирует готовность включиться в активное продвижение предложенного ему извне понимания единственно правильного, что мы и наблюдаем в череду – удачных и неудачных – «цветных революций».

Ущерб, нанесённый культурой отмены науке, трудно поддаётся оценке. Боязнь заступить за рамки порождает конформизм, что вкупе с логикой алгоритмов индексирования научных публикаций приводит к выхолащиванию её когнитивной функции. В частности, недавнее исследование массива из 90 млн научных статей по 241 научной теме, имеющих 1,8 млрд цитирований, неожиданно – с точки зрения администрирования индустрии науки – показало практически полную остановку когнитивного прогресса: количество не переходит в качество [Chu, Evans 2021].

Китай: цифровая культурная революция

О политическом признании серьёзности цифровой угрозы свидетельствует инициированный Китаем в 2021 г. кардинальный

поворот в цифровой политике, получивший название «новой культурной революции». В этом есть свой символизм, в прошлом году как раз прошёл 55-летний юбилей культурной революции, запущенной Мао Цзедуном. Заявленные перемены не менее глубоки: по сути речь идёт о национализации алгоритмов. Отныне алгоритмическая культура в Китае контролируется и направляется Компартией и должна служить национальным интересам.

В частности, 27 августа 2021 г. Государственное информационное управление Интернета издало Правила управления рекомендациями по использованию алгоритмов информационных услуг в Интернете¹⁴, в соответствии с которыми Национальный департамент кибербезопасности и информатизации получил право надзора и контроля за соблюдением требований национальной службы рекомендаций по алгоритмам, а поставщики услуг «должны соблюдать законы и правила, уважать социальную этику, соблюдать деловую этику и профессиональную этику, а также следовать принципам справедливости, открытости, прозрачности, научной рациональности и честности ... придерживаться основной ценностной ориентации, оптимизировать механизм предоставления рекомендаций по алгоритмам, активно распространять положительную энергию и способствовать применению алгоритмов к лучшему»¹⁵. Новая сетевая этика предполагает борьбу с фейковыми новостями, запрет контента, угрожающего общественному порядку, и защиту несовершеннолетних. Подростков нельзя побуждать к следованию рекомендациям алгоритмов, подталкивать к вредным привычкам, к имитации небезопасного поведения, нарушению социальной этики, они не должны получать информацию, кото-

рая может повлиять на их физическое и психическое здоровье.

Популяризации принятых решений послужила появившаяся на следующий день после постановления в личном блоге в Вичате статья малоизвестного до того бывшего главного редактора небольшой газеты Ли Гуанманя¹⁶, перепечатанная различными государственными СМИ, включая сайты «Жэньминь Жибао» и агентства Синьхуа. Её автор провозгласил *возврат к первоначальным намерениям КПК, к сути социализма, от группы капиталов к массам людей, и трансформацию капиталоориентированной модели в модель, ориентированную на народ*. Народ назван «главным органом этого изменения, а те, кто будет мешать реализовать это изменение в сторону народа, будет отброшен»¹⁷. 2 сентября руководство телерадиовещания обнародовало новую стратегию, которая состоит в ограничении телепрограмм и реалити-шоу, выращивающих молодёжных кумиров, установлении правильных стандартов красоты и изгнании трансгендеров, то есть женоподобных мужчин. Шоу-бизнесу предложили «сознательно отказаться от пошлости, безвкусицы, а также сознательно давать отпор декадентским идеям поклонения деньгам, гедонизму и крайнему индивидуализму»¹⁸.

Значимость этого поворота трудно переоценить. Речь идёт не просто о партийном заслоне на пути Биг Фармы, главного лоббиста трансгендерной культуры, но о кардинальной смене доминирующей идеи: от опоры на идею индивидуальной свободы, до сих пор двигавшей китайскую экономику за счёт максимизации потребления, Китай возвращается к идее социальной справедливости. Общество в этом контексте обретает правосубъектность: в отличие от идеи свободы, которая всегда

¹⁴ Cyberspace Administration of China. Office of the Central Cyberspace Affairs Commission. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-08/27/c_1631652502874117.htm

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Акопов П. Китай начинает "трансформацию капитализма": у него есть главный союзник. РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20210910/kitay-1749414761.html>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

индивидуальна, идея справедливости всегда надиндивидуальна: нельзя быть справедливым самому по себе, справедливость, как отмечал ещё Аристотель, всегда мерило конкретной ситуации социального взаимодействия. В этом плане критичным и наиболее дальновидным решением представляется именно взятие под этический контроль всемогущих алгоритмов, то есть альтернативной системы социализации. Вопрос не в национализации цифровых олигархов, чья миссия, по алармистской оценке *Financial Times*, теперь состоит в «передаче компартии своих миллиардов»¹⁹, а об установлении полезных для общества этических рамок, которыми государство ограничивает деятельность этих компаний. И те восприняли сигнал: уже 11 сентября все крупные китайские платформы, включая мессенджеры *WeChat* и *Weibo*, видеохостинг *Tencent Video*, новостные агрегаторы *Jinri Toutiao* и *Douyin*, китайский оригинал *TikTok*, заявили о готовности следовать новым правилам, обязались ввести меры самодисциплины, воздерживаться от использования данных и трафика в качестве основного ориентира, и работать с позитивными ценностями в целях создания чистой и честной онлайн-культуры²⁰.

Китай не первым осознал правила новой эпохи, где цифровой суверенитет является центральной составляющей государственного суверенитета: после того как информационные корпорации США «запретили» Трампа, тогда президента великой страны, вопрос о том, где и у кого находится суверенитет, стал актуальным для всех государств, продвинувшихся по пути цифровизации. Свой вклад в осознание его актуальности внесли провалившиеся попытки «цветных революций» в Гонконге в 2019–2020 годах, где Китай напрямую столкнулся с всевластием алгоритмов, и события

в Белоруссии. Тем не менее именно Китай первым, притом чётко, сформулировал государственную политику цифровой эпохи, решительно приравняв сетевую информационную культуру к критически важной инфраструктуре, от защиты которой зависит устойчивость всей системы. В этом плане показательно заключительное утверждение статьи Ли Гуанмяня: «...если нам по-прежнему придётся полагаться на крупных капиталистов как на главную силу в борьбе против империализма и гегемонизма или мы всё ещё будем сотрудничать с американской отраслью “массовых развлечений”, наша молодёжь утратит свою сильную и мужественную энергию и мы потерпим такой же крах, как Советский Союз, даже ещё до того, как подвергнемся настоящей атаке»²¹.

Резонно задаться вопросом, каким образом последовательное и безраздельное доминирование идеи свободы, провозглашённое Фрэнсисом Фукуямой с распадом СССР *царство свободы*, которое, обеспечив *полное удовлетворение жажды признания*, закончило историю [Фукуяма 2015: 224], в итоге привело к состоянию муравейника, где интеллект свободного индивида подменяется инстинктами коллективного поведения? Если вслед за С. Жижекком мы будем понимать свободу как событие, разовый акт освобождения чего-то от чего-то, ему мешающего [Жижек 2008: 31–34], и соединим это рассмотрение с освобождающимся социальным субъектом, то обнаружим, что большинство вошедших в историю актов свободы были освобождением символической фигуры купца, в его торговой, производственной или финансовой ипостаси, от ограничений со стороны других социальных институтов – институтов власти и институтов влияния, реализующихся через законы, религию, мораль и идео-

¹⁹ *Financial Times*. Jack Ma and the Chinese tech titans' mission to give away billions. URL: <https://www.ft.com/content/c89594c1-1d85-4dda-9e67-55c775bd6c9a>

²⁰ Reuters. Chinese content platforms pledge self-discipline – industry group. URL: <https://www.reuters.com/world/china/chinese-content-platforms-pledge-self-discipline-industry-group-2021-09-11/>

²¹ *Акопов П.* Китай начинает «трансформацию капитализма»: у него есть главный союзник // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20210910/kitay-1749414761.html>

логию. К примеру, освобождение Голландии от Испанской империи было одновременно освобождением от католической морали и от представления об обществе как легитимном политическом субъекте – в протестантизме его заменила совокупность индивидов, что вкупе кратко снизило для Голландии издержки колониальной экспансии [Арриги 2006: 181–201]. В Англии *Великое дело короля* Генриха VIII стало началом отказа от католицизма, освободившего средства для инвестиций во флот, а случившаяся столетие спустя Английская революция избавила купца от власти короля; восстановленной позже королевской власти была вменена телеология защиты купца и собственности [Коктыш 2019: 48–65]. Великая французская революция стала одновременным освобождением и от католицизма, и от короля, и, что более существенно, от концепта божественного происхождения власти. Тогда и была создана ситуация относительности истины, в которой существует Современность: уже французские просветители не могли убедительно ответить на вопрос, каким образом в *наступившем царстве разума* возможна власть, то есть право одного человека повелевать и обязанность других подчиняться, поскольку разумность короля и слуги по определению будут одной и той же разумностью, явлением одного порядка [Коктыш 2016б: 6–24]. В итоге оставшаяся в качестве возможной процедурная форма легитимации власти экстраполировалась и на методы поиска обоснования истины со всеми вытекающими отсюда издержками, когда одной процедуре легко противопоставляется другая.

Представляется важным, что каждый разовый акт освобождения затем неизбежно обретал стабильные институциональные формы, отливаясь в устойчивый социальный порядок, который включённые в него полагали более или менее справедливым. Иными словами, идея свободы начинала процесс обрушением, а идея справедливости его завершала, создавая устойчивую конструкцию на последующий

исторический период. В терминах социальной физики можно сказать, что свобода рассыпала социальный субъект или его часть до молекулярного или даже атомного состояния, а справедливость соединяла рассыпанное в уже новые устойчивые и связанные формы как минимум надмолекулярного уровня [Коктыш 2021]. Последнее, заметим, в полной мере переключается с ленинской классикой: «...прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определённо размежеваться» [Ленин 1967: 22].

* * *

Можно предположить, что распад СССР, представлявшего собой в системе международных отношений полюс справедливости, оказался сродни удалению угольных стержней из активной зоны ядерного реактора: предоставленная самой себе, идея свободы перешла в состояние неуправляемой термоядерной реакции, превратившись в перманентный процесс освобождения, существующий за счёт высвобождения энергии при дроблении любого социального объекта и противопоставлении его частей, ранее образовывавших единое целое, друг другу: от разделения государств на национальные страны до выделения из обществ меньшинств, расщепления семей на индивидов и расщепления личности на автономные в своём поведении эмоциональные и рациональные составляющие. В резонности этого предположения нас укрепляет тот факт, что при каждом очередном разделе возникал новый прибыльный рынок. В частности, раздел большой экономики на совокупность малых автоматически, в силу ёмкости рынка и уровня разделения труда [Григорьев 2014: 181–214], превращает их в технологических реципиентов крупных игроков, чей внутренний рынок позволяет им производить и окупать высокотехнологичную продукцию; структура затрат индивида, зачастую не предусматривающая инвестиции в детей, и количественно, и качественно заметно отличается

ся от структуры затрат домохозяйства; ёмкие рынки создают меньшинства, как, например, трансгендеры – пожизненные потребители фармакологической продукции; суверенитет эмоциональной компоненты в условиях цифровой экономики предполагает спонтанные и высокие затраты на удовлетворение навязанных извне потребностей.

В этом контексте понятнее заявка Китая на создание альтернативного цифрового полюса справедливости: выбивание из-под культуры постправды и культуры отмены коммерческой составляющей на самом деле может лишить их энергии инвестиций, без которой их дальнейшая экспансия представляется проблематичной. Плюсом при этом становится и возможность задаваемой КПК более или менее непротиворечивой системы мировоззренческих и ценностных координат. Такая система, будучи последние несколько десятилетий классической «спящей властью», то есть той, которая предоставляет повседневность ей самой, вмешиваясь только тогда, когда что-то пошло не так и это что-то нужно исправить, теперь в полной мере обнаруживает свою мощь.

Открываемый Китаем путь станет привлекательным для государств, полагающих свой суверенитет основополагающей ценностью. Отчасти Россия по нему уже пошла: так, в декабре 2021 г. за несоблюдение предъявленных Роскомнадзором требований мировой суд в Москве присудил корпорациям Гугл и Мета (Фейсбук) оборотные штрафы в размере 7,2 млрд рублей и 1,99 млрд рублей. Тем не менее стратегию Китая, при всей её ясности, трудно воспроизвести, даже не по причине высоких материальных и временных затрат. Имеют-

ся трудности технические – в частности, отсутствие у Европы своих социальных сетей, а также идеологические – либеральная парадигма не предполагает точки опоры, встав на которую можно было бы навязать в первую очередь американским информационным корпорациям альтернативные правила игры. Несколько лучше обстоят дела в России: есть своя социальная сеть, в которую вовлечено большинство несовершеннолетних; есть формально российский мессенджер Телеграм; на идеологическом уровне есть задел в виде недавно внесённых поправок в Конституцию о защите традиционных ценностей. Вместе с тем первоочередная задача заключается в выработке концептуального ответа на открывшиеся вызовы, техническое решение должно следовать за концептуальным, а не наоборот. Единственной концептуальной альтернативой алгокогнитивной культуре видится опора на идею справедливости, которая, как отметил ещё Аристотель [Аристотель 1978б: 72–86], может быть очень разной: справедливостью по происхождению, по уровню достатка, по равенству возможностей или, как мы знаем из недавней истории, по равенству дохода, но при этом всегда основанной на надындивидуальной идентичности. Как мы помним из Евклидовой геометрии, через одну точку можно провести неограниченное количество прямых – в таком варианте «перепрограммирование» базовых установок человека отнюдь не выглядит неподъёмной задачей. Но через две точки возможно провести только одну прямую – и в случае, если человек исходит из социальной идентичности, привязывающей его к социальной страте в качестве базовой, его «перепрошивка» становится проблематичной.

Список литературы

- Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 317–380.
- Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределённость качества и рыночный механизм // Thesis. 1994. № 5. С. 91–104.
- Аристотель (а). О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 535–593.

- Аристотель (б)*. Категории. // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 53–90.
- Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
- Григорьев О.* Эпоха роста. М.: Карьера Пресс, 2014. 448 с.
- Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
- Коктыш К.Е.* Английский концепт свободы: опыт деконструкции // *Полития*. 2019. № 2 (93). С. 48–65. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-48-65.
- Коктыш К.Е.* Белоруссия: новая геополитическая реальность? // *Полис*. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91–110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>.
- Коктыш К.Е.* Дискурс рационализма, свободы и демократии. М.: МГИМО-Университет, 2021. 320 с.
- Коктыш К.Е.* Онтология рационального (II) // *Полития*. 2016а. № 3 (82). С. 6–30. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-82-3-6-30.
- Коктыш К.Е.* Онтология рационального (III). // *Полития*. 2016б. № 4 (83). С. 6–24. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-6-24.
- Коктыш К.Е.* Событие свободы: опыт деконструкции // *Полис*. Политические исследования. 2020. № 2. С. 21–36. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.03.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 6. М.: Издательство политической литературы, 1967. 619 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
- Платон*. Протагор // *Платон*. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 418–476.
- Сергеев В.М.* Народовластие на службе элит. М.: МГИМО-Университет, 2013. 265 с.
- Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Кузьмин А.С., Сергеев К.В.* Прологомены к антропологии нашего времени. М., 2009. 261 с.
- Сергеев В.М., Алексеенкова Е.С., Коктыш К.Е., Орлова А.С., Петров К.Е., Чимириш Е.С.* Новое пространство мировой политики: взгляд из США: Аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2011. 134 с.
- Талеб Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука Антикус, 2014. 768 с.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 259 с.
- Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. 224 с.
- Chu J., Evans J.* Slowed canonical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences Oct 2021*, 118 (41) e2021636118; DOI: 10.1073/pnas.2021636118.
- Cognitive Dynamics in International Politics* / ed. by C. Jonsson. London, 1982. 210 p.
- Harrison J.E.* The religion of ancient Greece. London, 1913. 66 p.
- Kruger J., Dunning D.* Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. No. 6. P. 1121–1134. doi:10.1037/0022-3514.77.6.1121. PMID 10626367.
- Lavelock J.* (with Appleyard B.) *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence*. Allen Line, 2019. 160 p.
- Leites N.* Operational code of the politburo. N.Y.: McGraw-Hill, 1951. 118 p.
- Rathje S., Van Bavel J., Van der Linden S.* Out-group animosity drives engagement on social media. *Proceedings of the National Academy of Sciences Jun 2021*, 118 (26) e2024292118; DOI: 10.1073/pnas.2024292118
- Shrier A.* Irreversible Damage. The Transgender Craze Seducing Our Daughters. Regnery Publishing, 2021. 276 p.
- Stieger M., Flückiger Ch., Dominik R., Kowatsch T., Roberts B., Allemand M.* Changing personality traits with the help of a digital personality change intervention. 2021. *Proceedings of the National Academy of Sciences Feb 2021*, 118 (8) e2017548118; DOI: 10.1073/pnas.2017548118. URL: <https://www.pnas.org/content/118/8/e2017548118> (проверено 17.05.2021).
- Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites* / ed. by R. Axelrod. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976. 404 p.
- Taleb N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable, Random House, London, 2007. 366 p.
- Thought and Action in Foreign Policy* / ed. by G.M. Bonham, M.J. Shapiro. Basel: Birkhauser Verlag, 1977. 189 p.
- Wagner C., Strohmaier M., Olteanu A.* et al. Measuring algorithmically infused societies. *Nature*. 2021. No. 595. P. 197–204. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03666-1>.
- Ward A.* People mistake the internet's knowledge for their own. *Proceedings of the National Academy of Sciences Oct 2021*, 118 (43) e2105061118; DOI: 10.1073/pnas.2105061118.

COGNITIVE DIMENSION OF SECURITY

KIRILL KOKTYSH

ANNA RENARD-KOKTYSH

MGIMO–University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the algocognitive culture, the new reality that humanity has already entered, but remains far from being understood. Today we can speak about dissolution of the concept of privacy: almost all actions of a person, including his daily trips, his social circle and values it shares, his correspondence and purchases are automatically observed, and completely transparent to information corporations. The problem of fake news has become insurmountable: their appearance into the information cascade converts in an event immediately, making later investigations and refutations almost obsolete. A «culture of cancellation» has emerged, within which a priori there is no criteria for good and evil, where it has become possible to «delete» from the information circulation any arrays of knowledge that do not meet the requirements of the self-proclaimed «new ethics», and to ostracize people associated with them. The author compares the current state of affairs with the era of the dominance of sophists in ancient Greece, when the truth was determined depending on the conjuncture, and finds relevant parallels. In this context, the author formulates the concept of «cognitive vulnerability»: the new reality makes possible control of the masses of people, setting not only their consumer, but also political behavior. The author defines network reality as an alternative system of socialization, where the «network» ontology and values turn out to be more competitive than real ones, and therefore de facto displace them. The latter becomes possible due to a kind of «splitting» of the personality, when the emotional reaction is de facto separated from the real goal-oriented activity, and connected with the virtual reality. Ruling algorithms in social networks are aimed at achieving this goal: for an example author turns to recent investigation by The Wall Street Journal regarding Facebook: the MSI algorithm used by the latter provokes disputes and splits on every occasion. De facto, this leads to a situation where American information corporations are moving towards the new quality of the actual owner of sovereignty over the consciousness of the external societies. This challenge has already been met by China: since September 1, 2021, Beijing had nationalized algorithms, and handed control over them to the Communist Party. The author analyzes the steps taken by China and comes to the conclusion that in case of success China will become not only an economic, but also an ideological alternative to America, thereby making a bid to restore a bipolar world political system.

Keywords:

algocognitive culture; cognitive security; social networks; cancel culture; post truth; color revolutions.

References

- Abelson R. (1987). *Struktury ubezhdenij* [Structures of Persuasion]. In: Sergeev V.M., Parshin P.B. (eds.) *Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya*. Moscow. P. 317–380.
- Akerlof G. (1994). *Rynok limonov: neopredelyennost' kachestva i rynochnyj mekhanizm* [The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism]. *Thesis*. No. 5. P. 91–104.
- Aristotle. (1978a). *O sofisticheskikh oproverzheniyakh* [On sophistic refutations]. In: Aristotle. *Sobranie sochinenij v 4 tomakh. Tom 2*. Moscow: Mysl. P. 535–593.
- Aristotle. (1978b). *Kategorii* [The Categories]. In: Aristotle. *Sobranie sochinenij v 4 tomakh. Tom 2*. Moscow: Mysl. P. 53–90.
- Arrighi G. (2006). *The long twentieth century: money, power, and the origins of our times*. Moscow: Territoriya budushchego. 472 p.
- Axelrod R. (ed.) (1976). *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 404 p.
- Bonham G.M., Shapiro M.J. (eds.) (1977). *Thought and Action in Foreign Policy*. Basel: Birkhauser Verlag. 189 p.

- Chu J., Evans J. (2021). Slowed canonical progress in large fields of science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 118 (41) e2021636118; DOI: 10.1073/pnas.2021636118. URL: <https://www.pnas.org/content/118/41/e2021636118> (accessed: 05.04.2022).
- Fukuyama F. (2015). *Konets istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: 259 p.
- Grigor'ev O. (2014). *Epokha rosta* [The Epoch of Growth]. Moscow: Kar'era Press. 448 p.
- Harrison J.E. (1913). *The religion of ancient Greece*. London. 66 p.
- Horkheimer M. (2011). *Zatmenie razuma* [The Eclipse of Reason]. Kanon+. 224 p.
- Jonsson C. (ed). (1982). *Cognitive Dynamics in International Politics*. London. 210 p.
- Koktysh K.E. (2019). Anglijskii kontsept svobody: opyt dekonstruktsii [The English concept of freedom: experience of deconstruction]. *Politiya*. No. 2 (93). P. 48–65. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-48-65.
- Koktysh K.E. (2021a). Belorussiya: novaya geopoliticheskaya real'nost'? [Belarus: is it a new geopolitical reality?] *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07.
- Koktysh K.E. (2021b). *Diskurs racionalizma, svobody i demokratii* [The discourse of rationalism, freedom and democracy]. Moscow: MGIMO-University. 320 p.
- Koktysh K.E. (2016a). Ontologiya ratsional'nogo (II) [Ontology of rationality (II)]. *Politiya*. No. 3 (82), 2016. P. 6–30. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-82-3-6-30.
- Koktysh K.E. (2016b). Ontologiya ratsional'nogo (III). [Ontology of rationality (III)]. *Politiya*. No. 4 (83). P. 6–24. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-6-24.
- Koktysh K.E. (2020). Sobytie svobody: opyt dekonstrukcii. [The event of liberty: experience of deconstruction]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 21–36. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.03
- Kruger J., Dunning D. (1999). Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 77. No. 6. P. 1121–1134. Doi:10.1037/0022-3514.77.6.1121. PMID 10626367.
- Lakoff G., Johnsen M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivym* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS. 256 p.
- Lavelock J. (with Appleyard B.) (2019). *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence*. Allen Line. 160 p.
- Leites N. (1951). *Operational code of the politburo*. N.Y.: McGraw-Hill. 118 p.
- Lenin V.I. (1967). *Sobranie sochinenij v 55 tomakh. Tom 6* [Collection of works in 55 vol. Vol. 6]. Moscow. 619 p.
- Ortega y Gasset J. (2002). *Vostanie mass* [La rebelión de las masas]. Moscow: AST. 509 p.
- Plato. (1990). Protogor. In Plato. *Sochineniya v 4 tomakh. Tom 1*. Moscow: Mysl'. P. 418–476.
- Rathje S., Van Bavel J., Van der Linden S. (2021). Out-group animosity drives engagement on social media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 118 (26) e2024292118; DOI: 10.1073/pnas.2024292118.
- Sergeev V.M. (2013). *Narodovlastie na sluzhbe elit* [Democracy in the service of the elites]. Moscow: MGIMO-University. 265 p.
- Sergeev V.M., Alekseenkova E.S., Koktysh K.E., Kuz'min A.S., Sergeev K.V. (2009). *Prolegomeny k antropologii nashego vremeni* [Prolegomena to the anthropology crisis of our time] Moscow. 261 p.
- Sergeev V.M., Alekseenkova E.S., Koktysh K.E., Orlova A.S., Petrov K.E., Chimiris E.S. (2011). *Novoe prostranstvo mirovoj politiki: vzglyad iz SSHA* [The new dimension of world politics: a view from the USA]. Moscow: MGIMO-University. 134 p.
- Shrier A. (2021). *Irreversible Damage. The Transgender Craze Seducing Our Daughters*. Regnery Publishing. 276 p.
- Stieger M., Flückiger Ch., Dominik R., Kowatsch T., Roberts B., Allemand M. (2021). Changing personality traits with the help of a digital personality change intervention. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 118 (8). e2017548118. DOI: 10.1073/pnas.2017548118.
- Taleb N. (2014). *Antikhrupkost'. Kak izvlech vygodu iz khaosa* [Antifragility. How to benefit from chaos]. Moscow. 768 p.
- Taleb N. (2007). *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random House: London: 366 p.
- Wagner C., Strohmaier M., Olteanu A. et al. (2021). Measuring algorithmically infused societies. *Nature*. Vol. 595. P. 197–204 DOI 10.1038/s41586-021-03666-1.
- Ward A. (2021). People mistake the internet's knowledge for their own. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 118 (43). DOI: 10.1073/pnas.2105061118.
- Žižek S. (2008). *Ustrojstvo razryva. Parallaxnoe videnie* [The Parallax View]. Moscow: Europe. 516 p.